

Сайтинские боги в шаманизме бурят: семантика образов и функции

Н. Б. Дашиева*

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Проведен структурно-функциональный и культурно-семантический анализ теонимов пантеона сайтинских богов в бурятском шаманизме. Показано, что их образы являют собой персонификации шаманского экстаза, серебра как металла, входящего в сакральную сферу белого шаманства, процесса призываний богов и духов-предков посредством песнопений, ритуального плаща шамана, а также обряда жертвоприношений и его атрибутов. Выявлена семантика функций мифологических предков бурятского племени хори, представленных в пантеоне сайтинских богов как духи-посредники между земными людьми и небесными белыми боже-ствами. Рассмотрена их обусловленность общим мировоззренческим пластом в картине мира, сюжетах космогонических мифов и космологических представлениях тюрко-монгольских народов Южной Сибири и Центральной Азии, восходящих к эпохе скифо-сибирского культурного единства.

Ключевые слова: белое шаманство, тюрко-монгольские народы, искусство звериного стиля, олень-солнце, скифо-сибирское культурное единство.

Для цитирования: Дашиева Н. Б. Сайтинские боги в шаманизме бурят: семантика образов и функции // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геoархеология. Этнология. Антропология. 2023. Т. 46. С. 55–64. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2023.46.55>

Saitin Gods in Buryat Shamanism: Semantics of Images and Functions

N. B. Dashieva*

East Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. The article examines the semantics and functions of the deities known in the Buryat shaman pantheon of the Baikal region as “Saitani Burhad” (Saitin gods). The chronological framework of the study covers the period from the last quarter of the 19th to the beginning of the 20th century. The research is based on historical, ethnographic, ethnolinguistic, folkloristic, mythological and archaeological materials. Structural-functional and cultural-semantic analyses used to identify the semantics of the image of each Saitin deity in the pantheon showed their conditionality by the process of personification, which correlates with one of the structural components of the white shamanism of the Buryats, defined by its origin as female shamanism. They include shamanic trance, silver as a sacred metal in the sphere of white shamanism, the process of invoking gods and ancestral spirits with the help of chants, the ritual attire of the shaman, as well as the rite of sacrifice and its attributes. The study of the image and functions of the mythological ancestors of the Buryats of the Hori tribe, represented in the pantheon of the Saitin gods with the functions of intermediary spirits between earthly people and the White heavenly gods of the “Western Tengri”, reveals their commonality with the worldview, cosmogonic myths and cosmological representations of the Turkic-Mongolian peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Yakuts. The origins of this community go back to the culture of the Iranian-speaking peoples of the Eurasian steppes of the Bronze Age and Early Iron Age, who revered the creator God, whose name is formed from the root *aar/aya*. The analysis of the ethnogonic myth of the Khori-Buryats as the plot of the cosmogonic myth correlated with the seasonal rituals of the Turkic-Mongolian peoples showed that historically the bearers of these beliefs were a social community with the totemic cult of the Scythian Deer-Sun and Swan-Sun Bird. Taking into account the correlation of images and events in the Khori myth with petroglyphs in the Sagan-Zaba Bay and Aya Bay on the northern shore of Lake Baikal, the origin of the Saitin gods among the population of the Baikal region can be correlated with the tile graves on Olkhon Island and the northern coast of Lake Baikal.

Keywords: white shamanism, Turkic-Mongolian peoples, Iranian lexical source, Scythian-Siberian cultural unity.

For citation: Dashieva N. B. Saitin Gods in Buryat Shamanism: Semantics of Images and Functions. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2023, Vol. 46, pp. 55–64. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2023.46.55> (in Russ.)

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
See the last page of the article for full author information.

Введение

В конце XIX – начале XX в. у локально-территориальной группы бурят племени булагат, проживающих в долине правого притока Ангары – р. Куды, ольхонских и верхоленских бурят-эхиритов, а также хоринских родов, расселенных

в Предбайкалье, большим почтением пользовалась особая категория богов с общим названием «сайтинские боги» (*сайтани/сатини бурхадт*). Молебствия в их честь «устраивались весной и осенью во время прилета и отлета птиц, прежде всего лебедей. При проведении обрядов зажигали свечу, использовали зеленый чай, кобылье молоко, рис и др. В жертву богам приносили четырехгодовалого барана, шкуру с конечностями воздевали на длинный березовый шест (*зУхли*), а также посвящали жеребенка. Во время обряда все присутствующие обращались лицом на юг – сторону пребывания сайтинских божеств» [Зориктуев, 2020, с. 405].

При общепринятой у бурят-шаманистов Предбайкалья традиции деления пантеона на западных-белых-добродетельных и восточных-черных-зловредных для людей божеств и духов сайтинские боги входили в сонм первых. Иерархически они располагались на ступень ниже высших небесных богов пантеона – западных *тэнгэри* и их сыновей – западных *хат* (мн. ч. от «хан»).

По поводу происхождения божеств с общим названием «сайтинские» в шаманизме локально-территориальных групп бурят Предбайкалья в этнографической литературе существует несколько мнений. Согласно сведениям известного собирателя материалов по этнографии и фольклору бурят конца XIX – начала XX в. М. Н. Хангалова, население северного берега Байкала соотносит их образы с петроглифами бухты Саган-Заба и Ая. По этому поводу ученый пишет: «...утверждают даже, что имеющиеся на них изображения антропоморфных фигур представляют “сатинских богов”, особых добрых существ – людей небесного происхождения, бывших шаманами и шаманками». А относительно их названия сообщается, что оно «происходит от слова *са*, так как зеленый чай является для них самой желаемой жертвой» [Хангалов, 1958, с. 343–345, 431]. Такое объяснение может относиться к народной этимологии.

В начале второй половины XX в. известный исследователь истории бурятского шаманизма Т. М. Михайлов, отмечая исключительную скудость сведений по культу сайтинских богов, характеризует их как «загадочную по своему происхождению категорию почитаемых сил». Информанты ученого «единодушно утверждали, что сатинские божества... очень требовательны и грозны, не пьют вина, происходят откуда-то с юга, не то из Забайкалья, не то из Монголии». По причине того, что уже нет шаманов, знающих правила принесения жертвы этим божествам, обряды не проводятся. Проанализировав все опубликованные и не введенные в научный оборот полевые материалы М. Н. Хангалова, Ц. Жамцарано, а также сообщения М. Маласагаева, Т. М. Михайлов определение «сайтинские» возводит к топониму «Цайдам» – покрытой солончаками обширной области между Монголией и Тибетом. Исходя из географического расположения этой территории, исследователь предполагает монголо-ойратское происхождение всей группы, время же их появления в шаманском пантеоне бурят Предбайкалья относит к периоду халхасско-джунгарских междоусобных войн XVII–XVIII вв. [Михайлов, 1983, с. 114–115, 121–124].

Предположение Т. М. Михайлова получило поддержку в публикациях Б. Р. Зориктуева, посвященных проблеме начальной фазы этногенеза бурятского племени хори, в связи с названием оз. Садамтын-Саган-нур и прилегающей к нему местности Наян-Нава (на плато Цайдам в китайской провинции Цинхай) как древней прародины хоринцев [Зориктуев, 2018, 2020].

Профессор Д. С. Дугаров в своем монографическом исследовании исторических корней белого шаманства в традиционной культуре бурят, калмыков, якутов и ряда тюркских народов Саяно-Алтая под термином «сайты» понимает белых шаманов – жрецов культа бога-творца и громовника *Айа*. Истоки белого шаманства у народов Центральной Азии автор возводит к древнейшим индоиранским и индоевропейским верованиям [Дугаров, 1991, с. 230; и др.].

В нашей статье «Генеалогический миф хори-бурят: календарь и обряд» выдвигается гипотеза о связи названия «сайтинские» в бурятском шаманизме с иранским элементом *кай* со значением «сияющие» в определении категории светеносных, добродетельных богов скифской мифологии [Дашиева, 2021].

Представленный историографический обзор свидетельствует об отсутствии в этнографических исследованиях общепринятого взгляда на историко-культурные истоки культа сайтинских богов в шаманском пантеоне кудинских булагатов, ольхонских и верхоленских бурят-эхиритов, а также хоринских родов Предбайкалья. Между тем как их выявление может стать дополнительным свидетельством в сложном процессе этнической и культурной истории бурят, тесно связанной с культурой кочевых скотоводческих народов Центральной Азии. Данные обстоятельства обусловили цель нашей статьи – выявление семантики образов и функций группы богов в шаманизме бурят с общим названием «сайтинские».

Хронологические рамки работы определены концом XIX – началом XX в. – периодом бытования в шаманизме локальных групп бурят Предбайкалья культа сайтинских богов с традицией устройства в их честь сезонных обрядов, приуроченных к прилетам и отлетам лебедей.

В качестве методологической базы исследования выступают сравнительно-сопоставительный анализ специфики культа сайтинских богов в локальных традициях бурят Прибайкалья, а также историко-сравнительный и сравнительно-сопоставительный анализ их ведущих элементов в языке, мифологии, фольклоре и обрядово-ритуальных традициях народов Сибири и степной Евразии.

Высшие божества в пантеоне сайтинских богов: семантика образов и функции

В шаманском пантеоне бурятского населения северного берега Байкала историки выделяют «высших» и «средних» по статусу сайтинских богов. В соответствии с такой градацией должны быть и «низшие», но сведения о них отсутствуют. В материалах М. Н. Хангалова без указания места записи сообщается, что «у сайтинских бурханов первое место занимает женщина – Бишелэ-Ганзубурхан, за нею следуют мужчины с женами: Хугэл-Саган-бурхан, Холор-Саган-топши, Эргил-Саган-бурхан, жена его Борго-Саган-хатун, Такил-Саган-бурхан, жена его Зула-Саган-хатун, Голто-Саган-бурхан и т. д.» [Хангалов, 1958, с. 173]. В текстах шаманских призываний кудинских бурят, которые «сильно их чтут», к ним добавлены Бежин-хатун («пекинская царица»), Далай-лама, семьдесят девиц Сэн, девяносто сыновей Сэн, кочевавшие в местности Хонгоро (Канск), называется «дворец Гэгэн-бурхана» [Там же, с. 433–435]. У ольхонских бурят – эхири-тов и хоринцев – группа сайтинских богов состоит из трех лиц: богини Мишэлэ Ганзу, бога Хулэр-топши хугыл-бурхан и бога Идир Ганзу [Там же, с. 345].

В целом в группе сайтинских богов в пантеоне бурят Предбайкалья общие названия имеют богиня Мишелэ/Бишеле-Ганзу, божества Хулэр-топши и Хугыл-

бурхан, образы которых представляют исходную основу их культа. Согласно сведениям М. Маласагаева, Мишеле/Бишеле-Ганзу («бешеная Мишеле/Бишеле»), дочь Намтая, была монгольской шаманкой, родившейся недалеко от границ Китая [Михайлов, 1983, с. 119]. Присутствующее в имени богини определение «бешеная» (бур. *ганзу/галзу*) указывает на специфику шаманства, проявляющегося в виде экстаза, вызванного процессом «вселения в него духа» (бур. *онго оруулха*) и сопровождавшегося песнопениями и плясками.

Теоним «Хулэр-Саган-тобши» («серебряные пуговицы») представляет собою персонификацию атрибута богини. В бурятском шаманизме серебро входит в сакральную сферу белого шаманства, в то время как железо – металл черного шаманства [Павлинская, 1988, с. 81–82].

Персонификацией процесса камлания шамана с песнопениями, посредством которых он призывает своих небесных покровителей, излагает просьбы и выражает благодарности за оказанную помощь, выступает образ божества Хугыл-бурхан, в дословном переводе его имя означает «песня-призывание-божество». Возможность такой интерпретации теонима исходит из значения слова *хугалга(н)* в диалекте локальной группы бурят-булагатов, известных по месту проживания как «боханские». У боханских бурят посредством данного слова, производного от бурятского глагола *хуугайлха* – «кричать», «вопить», «голосить», передаются понятия «мотив», «припев» [Бурят-монгольско-русский словарь, 1951, с. 590, 596]. В указанном значении термина название божества обнаруживает общность с названием жанра *хаахирган дуун*, или *ай дон дуун* («призывные песни»), производного от бурятского слова *хаахиргаа(н)* со значением «крик», «воплль», *хаахирха* – «кричать», «кликать» [Там же, с. 527]. Согласно исследованию Д. С. Дугарова, песни этого жанра относятся к древнейшим по происхождению обрядовым песням белого шаманства – жрецов культа небесного бога-творца и громовержца Ая [Дугаров, 1991, с. 214, 221, 222].

Персонификацией обряда шаманского посвящения представляется почитаемое кудинскими бурятами божество Эргил-Саган-бурхан. Относительно места его нахождения на берегу Байкала С. П. Балдаев пишет: «На писаной горе в бухте Ая обитает Эрген саган нойон (Эрген белый господин) со своей женой Бурал саган хатан (Седовласая белая госпожа). По преданию местных бурят, эжин (хозяйин. – Н. Д.) скалистой горы Ая спустился с неба (*тэнгэри*), облюбовал ее, сделал на ней свое изображение и поселился здесь» [Балдаев, 1956, с. 7]. Рисунок состоит из изображения двух человеческих фигур – старик держит в руке, «по толкованию местных жителей, шаманское зеркало (*толи*). Другая фигура, по объяснению местных бурят, изображает женщину Бурал саган хатан» [Окладников, 1974, с. 33–34]. Согласно сюжету мифа родившийся на земле по желанию небесных божеств непорочным зачатием у десятилетней девочки из племени хангин, Эргил-Саган-бурхан себе сделал обряд посвящения и стал первым шаманом [Хангалов, 1959, с. 148–149]. В варианте сюжета он родился у семилетней девочки от упавшей ей в рот с неба градинки и в возрасте десяти лет стал великим шаманом с именем Эргил-Буга-нойон [Хангалов, 1958, с. 329]. В пантеоне ольхонских бурят его называют Идир Ганзу («юный бешеный»). В обряде посвящения молодого шамана первым призывают это божество и брызгают ему молочную водку *тарасун* со словами: «Ты 90 шаманов сделал шаманами, 90 шаманок сделал шаманками, 90 хэсэ (бубнов) держал за тайбор (крестовину), надел на себя 90 оргов (шаманских плащей)» [Хангалов, 1958, с. 380].

Определение «Эргил» в имени божества, имеющее лексическую и семантическую общность с бурятским словом *эригэр* со значением «пегий», «пятнистый», «пестрый» [Бурят-монгольско-русский словарь, 1951, с. 735], в сочетании с лексемами *Саган* («белый») и *Буга* («олень»), создает образ белого шамана в ритуальном плаще (оргой), изготовленном из оленьих шкур. У бурятских шаманов такой плащ дополнялся железной короной с отростками в виде оленьих рогов.

В тексте шаманского призывания духов-предков на родовых обрядах с жертвоприношениями хоринского рода хангин, прибывшего в Предбайкалье с территории Монголии, «когда Бошогто восстал, / На Сайн хана напал» одним из «трех стариков», руководивших переселением «на северную сторону», называется «сын Мандахая / По имени своему Эргил Буга» [Балдаев, 1970, с. 340–341]. Согласно тексту призывания, их исход с исторической родины в пределы Предбайкалья мог происходить между 1690–1696 гг. в период войны Джунгарского Галдан-Бошогто-хана с халхасским Сайн-ханом.

Персонификацией обряда почитания богов путем жертвоприношений и подношения даров – *тахил* – является теоним «Такил-Саган-бурхан». Свеча как обязательный атрибут обряда сайтинских богов персонифицирована в имени его супруги Зула-Саган-хатун («госпожа светлая свеча»). М. Н. Хангалов поясняет, что Бежин-хатун и Бишелэ-Ганзу-бурхан «имеют престол из чистого серебра, а пред престолом их горит толстая и желтая свеча» [Хангалов, 1958, с. 431].

В семантическом поле понятий «основа», «стержень» (бур. *гол*) лежит теоним «Голто-Саган-бурхан» («Бог-белый-стержень/основа»).

Средние по рангу сайтинские божества: семантика их образов и функции

В иерархически выстроенной структуре пантеона сайтинских богов кудинских, верхоленских и ольхонских бурят в статусе средних по рангу называются горные онгоны с функциями «придверных божеств» – *уудэши бурханов*. М. Н. Хангалов, подчеркивая, что «все горные онгоны принадлежат к сайтинским бурханам», указывает, что «онгоны-телохранители открывают шаману доступ к небесным божествам», «докладывают высшим богам, являются ходатаями простых людей, прося милости и покровительства» [Хангалов, 1958, с. 338, 471–473].

На шаманских рисунках горные онгоны иногда фигурировали под названием «горные старцы» – *хадыйн убгэд*, якобы живущие на небе. Свое название они получили из-за обычая бурят погребать шаманов в полном ритуальном облачении в положении сидя в горных пещерах, гротах. Находясь в прямой связи с культом предков, горные старцы / горные онгоны наделялись функциями духов-хранителей определенной местности, выступали в качестве посредников между своими сородичами и небесными божествами высшего ранга [Иванов, 1957, с. 113, 114].

Определение всей группы как «горные» со статусом «средние» в иерархии, с функцией осуществления связи между земными людьми и небесными божествами, свидетельствует об обусловленности их образов индоевропейской картиной мира. В этой картине мировая гора находится в центре мира, там, где проходит его ось (*axis mundi*), и выступает в качестве трансформации мирового древа как медиатора между разными частями космогонии [Топоров, 1991, с. 311]. Данное положение со всей полнотой проявляется в функции березы в обряде посвящения шамана у бурят. Береза, устанавливаемая в юрте устроителя обряда

таким образом, чтобы ее верхняя часть выходила через отверстие для дымохода, также называется *уудэшиэ-бурхан* [Хангалов, 1958, с. 378]. Иногда сам посвящаемый поднимается из юрты по березе (*уудэши-бурхан*) и, стоя на крыше, громко призывает небесных богов – *заянов* [Там же, с. 380].

У кудинских бурят и территориальной группы эхиритов и хоринцев, проживающих в местности Капсал на р. Лене, к числу «средних» по статусу сатинских бурханов относится Хоредой/Хоридой Мэргэн с женой Хобоши-хатун, дочерью неба Шара-Хасар, превращавшейся в лебедя [Там же, с. 472].

Согласно сюжету генеалогического мифа самого многочисленного племени бурятского этноса – племени хори, однажды молодой охотник Хоредой увидел, как прилетевшие с севера лебеди, сбросив свои оперения и превратившись в прекрасных девушек, стали купаться в озере. Охотник спрятал птичьи одеяния одной из них, и дева-лебедь, оставшись в человеческом облике, стала его женой. Прожив с Хоредоем много лет, родив и вырастив детей, Хобоши-хатун, вновь приняв свой птичий облик, вылетела из юрты через отверстие для дымохода, чтобы вернуться в свой небесный мир. Покидая семью, мать благословила детей и дала им наказ весной и осенью совершать ритуальные кропления молоком прилетающим и отлетающим лебедям.

Миф о Хоредое, как и аналогичные ему сюжеты, известные в фольклоре и мифологии калмыков, тувинцев, алтайцев, башкир и других тюрко-монгольских народов [Румянцев, 1962, с. 146–165; Бурыкин, 2020], является скорее не генеалогическим в общепринятом его значении, а космогоническим, так как в нем отражены представления о категории пространства и времени, выраженные в индоевропейской картине мира и календаре. В календарном осмыслении сюжета максимумом сакрального свойства обладают начало времени творения и его завершение, соотношенное с сезонными миграциями лебедей, персонифицированных в племенном мифе в образ матери-прародительницы [Дашиева, 2021].

По одному варианту мифа местом встречи прародителей племени указывается легендарное для хоринцев озеро Садамтын Саган, находящееся где-то в далекой стране на юге. Кудинские буряты представляли, что Хоридой с небесной девой, как и все сайтинские бурханы, жили в великолепных сияющих дворцах у этого легендарного озера, туда приходят после смерти белые шаманы. Там они поступают в услужение великим своим богам, входят в число их свиты [Хангалов, 1958, с. 391]. Известен сюжет, где под названием «Садамтын нур» выступают три небольших озера на р. Лене. В наиболее распространенных вариантах мифа Хоредой встречает деву-лебедицу на северном берегу Байкала или на о. Ольхон.

Таким образом, происхождение сайтинских богов в шаманизме бурят племени эхирит, отдельных хоринских родов и кудинских бурят-булагатов Предбайкалья конца XIX – начала XX в. связывается с двумя регионами. По сюжету хоринского мифа это местность Цайдам, расположенная между Тибетом и Монголией. В качестве второй выступает территория Халхи периода протектората империи Цин.

Историко-культурные истоки образов сайтинских богов

Академик А. П. Окладников, анализируя содержание и стилистические особенности изображений антропоморфных фигур на петроглифах бухты Саган-Заба и соседней с ней бухты Ая на Байкале, датируемых глазковским временем,

приводит цитату из работы М. Н. Хангалова, соотносящую их образы с сайтинскими божествами, бывшими шаманами и шаманками [Окладников, 1974, с. 77]. По мнению ученого, эта связь проявляется в стилистическом единстве изображений мужских фигур с короткими рожками на головах в виде двойной развилки, в характерных для шаманских танцев-камланий позах на беломраморных скалах бухт Саган-Заба и Ая и рисунках на *онгонах* бурят [Там же, с. 71–75]. В рассматриваемую группу входит и профильное изображение фигуры рогатого человека, «будто взбирающегося на дерево» [Окладников, 1974, с. 79]. На головах бурятских *онгонов* («вместилища духов») такие рога называются *йодор* («то, что торчит») и свидетельствуют о силе, божественности онгона [Жамцарано, 2021, с. 98]. Само же изображение соотносимо с представлением бурят Предбайкалья о средних по рангу сайтинских божествах с функциями «придверных божеств» (*уудэши бурханов*).

К более позднему этапу развития наскальных изображений в бухте Саган-Заба А. П. Окладников относит рисунок антропоморфной фигуры с развиллистыми рогами и согнутыми в позе танца ногами, сохраняющей связь с древними изображениями, но выполненной гораздо примитивнее их. Образ оленя в позе «галоп», характерной для произведений искусства скифо-сибирского звериного стиля, позволил автору датировать рисунки всей этой группы серединой I тыс. до н. э. По мнению исследователя, такие же древние сюжетные схемы имеют изображения расположенных «живыми группами» лебедей [Там же, с. 77].

Происхождение элементов скифо-сибирского звериного стиля в байкальских петроглифах А. П. Окладников связывает с плиточными могилами на о. Ольхон и северном побережье Байкала – вблизи с. Еланцы и в долине р. Куды на горе Манхай [Там же, с. 111–112]. В конце XIX – начале XX в. это ареал расселения бурят, в шаманский пантеон которых входили божества с общим названием «сайтинские».

Историческая связь культуры хори-бурят с искусством «звериного стиля» представлена в текстах шаманских призываний родов-переселенцев с северного берега Байкала и о. Ольхон в устье р. Селенги. В этих текстах мать-прародительница племени называется собственным именем *Шомиор Большая госпожа* и имеет прозвище *Ухэтэ Госпожа-мать* [Жамцарано, 2001, с. 161]. Сочетание в образной характеристике богини-прародительницы бурятских слов *шомиор* (со значением «вытянутые губы») и *ухэтэ* («волосатая»/«пышноволосяя») указывает на стилизованные фигуры оленей с длинными, вытянутыми наподобие птичьего клюва мордами и запрокинутыми на спину развесистыми рогами, концы которых туго закручивались. Оба определения являются описанием стилизованных фигур оленей, выполненных по канонам скифо-сибирского искусства звериного стиля, сопровождающих плиточные могилы Забайкалья. Такие олени с нанесенными на их тела свастическими знаками – символами солнца изображены в позе летящего галопа на каменных плитах, известных в археологии как «оленные камни». Исторически «оленные камни», также как и культ оленя, и звериный стиль связаны с кочевыми скотоводческими племенами Западной и Северо-Западной Монголии, Тувы и Алтая эпохи ранней бронзы [Новгородова, 1989, с. 173–174].

Историческая основа культурной общности образов сайтинских богов в шаманизме бурят Предбайкалья с культурой населения бронзового века находит отражение в трудах известного российского востоковеда, специалиста по тибетским

письменным источникам и языку Ю. Н. Рериха. По сведениям ученого, слово «хор» как название кочевых народов в его историческом и современном применении у тибетцев имеет разные значения. Исторически данным словом называли племена тюрко-монгольского происхождения [Рерих, 1999а, с. 42], в современном тибетском разговорном языке оно передает понятие «кочевник смешанного происхождения» независимо от их собственных родовых названий [Рерих, 1999б, с. 89].

Историческую основу культурного единства хоров Тибета исследователь видит в элементах искусства звериного стиля, ареал распространения которого ограничивается его северными областями и связывается с плиточными могилами, известными в области Нуп-Хор (Западный Хор). Население этой области хор-па («хоры»), широко использующее предметы быта с орнаментом звериного стиля, исторически относились к центральноазиатским племенам иранского и тюрко-монгольских корней [Рерих, 1999а, с. 40, 41; 1999б, с. 93].

В свете значения лексемы «хор» как названия солнца и его символа оленя у кочевых ираноязычных племен бронзового и раннего железного веков степей Центральной Азии и искусства звериного стиля как признака культурного единства кочевых тюрко-монгольских племен с общим названием «хор» у тибетцев проявляется этноним бурятского племени хори [Дашиева, 2020, с. 948]. В данном контексте лежит и имя мифологического первопредка племени Хоредоя, входящего в группу богов в шаманском пантеоне бурят Предбайкалья, известных как «сайтинские боги».

Заключение

Семантический анализ образов и функций сайтинских богов представляет их как персонификацию структурных составных белого шаманства бурят. Это: 1) состояние транса, достигаемое шаманом путем вселения в себя духов, вследствие чего он вещает от их лица; 2) процесс камлания шамана посредством песни-молитвы с целью призыва богов и духов и изложения молитвы и просьбы; 3) обряд посвящения шамана; 4) обряд почитания богов путем жертвоприношений; 5) свеча как обязательный атрибут почитания сайтинских богов и 6) белый шаман в ритуальном плаще, выполненном из оленьей шкуры.

В контексте соотнесенности образов и функций сайтинских богов с индоевропейской картиной мира в ее вертикальной проекции и мотива «плодородие» в связи с идеей воспроизводства человеческого рода, в глубокой исторической ретроспективе носителями этих представлений выступала социальная общность с культом оленя-солнца и лебеди – солнечной птицы. Эта социальная общность, представлявшая большой круг кочевых ираноязычных народов Центральной Азии и Южной Сибири эпохи скифо-сибирского культурного единства, для поддержания незыблемости мира, существующего в категориях пространства и времени в течение одного годового цикла, устраивала сезонные обряды, приуроченные к прилетам и отлетам лебедей.

Список литературы

- Балдаев С. П. Культ писаниц у западных бурят // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры. Улан-Удэ, 1956. Вып. 22. С. 83–88.
- Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Часть первая. Булагаты и эхириты. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 363 с.
- Бурякин А. А. Лебеди и журавли в фольклоре калмыков, других монголоязычных народов и народов Азии // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия Эпосоведение. 2020. № 3 (19). С. 5–13.

- Бурят-монгольско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 852 с.
- Дашиева Н. Б. Образ оленя-солнца и этноним бурятского племени Хори // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13, № 4. С. 941–950. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-50-4-941-950>.
- Дашиева Н. Б. Генеалогический миф бурят племени Хори: календарь и обряд // *Научный диалог*. 2021. № 3. С. 363–379. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-363-379.
- Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.
- Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 380 с.
- Жамцарано Ц. Избранные труды. Улан-Удэ; Агинское: Республиканская типография, 2021. 160 с.
- Зориктуев Б. Р. О малоизвестных аспектах этнической истории хори // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2018. № 4 (34). С. 127–132. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-5-393-423>
- Зориктуев Б. Р. Наян-Нава и проблема этногенеза бурятской племенной общности Хори // *Научный диалог*. 2020. № 5. С. 393–423.
- Иванов С. В. К семантике изображений на старинных бурятских онгонах // *Сборник музея антропологии и этнографии*. 1957. Т. 17. С. 95–150.
- Михайлов Т. М. О сайтинских божествах в шаманской религии бурят // *Этнические и историко-культурные связи монгольских народов*. Улан-Удэ, 1983. С. 114–126.
- Новгородова Э. А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1989. 383 с.
- Окладников А. П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. 124 с.
- Павлинская Л. Р. Некоторые вопросы техники и технологии художественной обработки металлов // *Материальная и духовная культура народов Сибири*. Л., 1988. Т. 42. С. 71–85. (Сборник Музея антропологии и этнографии).
- Рерих Ю. Н. Звериный стиль у кочевников Тибета // *Тибет и Центральная Азия: статьи, лекции, переводы*. Самара, 1999а. С. 29–50.
- Рерих Ю. Н. Кочевые племена Тибета // *Тибет и Центральная Азия: статьи, лекции, переводы*. Самара, 1999б. С. 88–94.
- Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 265 с.
- Топоров В. Н. Гора // *Мифы народов мира*. М., 1991. Т. I. С. 311–315.
- Хангалов М. Н. *Собрание сочинений*. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. Т. 1. 550 с.
- Хангалов М. Н. *Собрание сочинений*. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. Т. 2. 443 с.
- Baldaev S. P. Kult pisanits u zapadnykh buryat [The cult of writings among the Western Buryats]. *Zapiski Buryat-Mongolskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kultury [Papers of the Buryat-Mongolian Scientific Research Institute of Culture]*. Ulan-Ude, 1956, Is. XXII, pp. 83–88. (In Russ.)
- Baldaev S. P. *Rodoslovyne predaniya i legendy buryat. Chast pervaya. Bulagaty i ekhurity [Ancestral traditions and legends of the Buryats. Part one. Bulagates and Echirites]*. Ulan-Ude, Buryat Book Publishing House, 1970. 363 p. (In Russ.)
- Burykin A. A. Lebedi i zhuravli v folklore kalmykov, drugikh mongoloyazychnykh narodov i narodov Azii [Swans and cranes in the folklore of the Kalmyks, other Mongolian-speaking peoples and peoples of Asia]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova. Seriya Eposovedenie [Bulletin of the M. K. Ammosov Northeastern Federal University. Epic Studies Series]*. 2020, Is. 3 (19), pp. 5–13. (In Russ.)
- Cheremisov K. M. (comp.). *Buryat-mongolsko – russkii slovar [Buryat-Mongolian – Russian dictionary]*. Moscow, State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1951, 852 p. (In Mongolian; In Russ.)
- Dashieva N. B. *Obraz olenya-solntsa i etnonim buryatskogo plemeni Khori [The image of the sun deer and the ethnonym of the Buryat Hori tribe]*. *Oriental Studies*. 2020, Vol. 13, Is. 4, pp. 941–950. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-941-950.
- Dashieva N. B. *Genealogicheski mif buryat plemeni Khori: kalendar i obryad [Genealogical myth of the Khori Buryat tribe: calendar and ritual]*. *Nauchnyi dialog [Scientific dialogue]*. 2021, Is. 3, pp. 363–379. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-363-379 (In Russ.)
- Dugarov D. S. *Istoricheskie korni belogo shamanstva (na materiale obryadovogo folkloro buryat) [The historical roots of white shamanism (based on the material of the ritual Buryat folklore)]*. Moscow, Nauka Publ., 1991, 300 p. (In Russ.)
- Ivanov S. V. *K semantike izobrazhenii na starinnykh buryatskikh ongonakh [About the semantics of images on ancient Buryat ongons]*. *Sbornik muzeya antropologii i etnografii [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]*. 1957, Vol. XVII, pp. 95–150. (In Russ.)
- Khangelov M. N. *Sobranie sochinenii [Collected works]*. Ulan-Ude, Buryat Publishing house, 1958, Vol. I, 550 p. (In Russ.)
- Khangelov M. N. *Sobranie sochinenii [Collected works]*. Ulan-Ude, Buryat Publishing house, 1959, Vol. II, 265 p. (In Russ.)
- Mikhailov T. M. *O saitinskikh bozhestvakh v shamanskoj religii buryat [About Saitin deities in the shamanistic Buryat religion]*. *Etnicheskie i istoriko-kulturnye svyazi mongolskikh narodov [Ethnic and historical-cultural ties of the Mongolian peoples]*. Ulan-Ude, 1983, pp. 114–126. (In Russ.)
- Novgorodova E. A. *Drevnyaya Mongoliya (Nekotorye problemy khronologii i etnokulturnoi istorii) [Ancient Mongolia (Some problems of chronology and ethnocultural history)]*. Moscow, Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury Publ., 1989, 383 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. *Petroglify Baikala – pamyatniki drevnei kultury narodov Sibiri [Petroglyphs of Baikal –*

- monuments of the Siberian peoples ancient culture*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1974, 124 p. (In Russ.)
- Pavlinkaya L. R. Nekotorye voprosy tekhniki i tekhnologii khudozhestvennoi obrabotki metallov [Some issues of technique and technology of artistic metalworking]. *Materialnaya i dukhovnaya kultura narodov Sibiri [The material and spiritual culture of the peoples of Siberia]*. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]*. Leningrad, 1988, Vol. 42, pp. 71–85. (In Russ.)
- Rerikh Yu. N. Zverinyi stil u kochevnikov Tibeta [The animal style of the nomads of Tibet]. *Tibet i Tsentralnaya Aziya: statii, leksii, perevody [Tibet and Central Asia: articles, lectures, translations]*. Samara, 1999a, pp. 29–50. (In Russ.)
- Rerikh Yu. N. Kochevye plemena Tibeta [Nomadic tribes of Tibet]. *Tibet i Tsentralnaya Aziya: statii, leksii, perevody [Tibet and Central Asia: articles, lectures, translations]*. Samara, 1999b, 88–94 pp. (In Russ.)
- Rumyantsev G. N. *Proiskhozhdenie khorinskikh buryat [The origin of the Khorin Buryats]*. Ulan-Ude, Buryat Book Publishing house, 1962, 265 p. (In Russ.)
- Toporov V. N. Gora [Mountain]. *Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]*. Moscow, 1991, Vol. 1, pp. 311–315. (In Russ.)
- Zhamtsarano Ts. *Putevye dnevniki 1903–1907 gg. [Travel diaries of 1903–1907]*. Ulan-Ude, BNC SB RAS Publ., 2001. 380 p. (In Russ.)
- Zhamtsarano Ts. *Izbrannye trudy [Selected works]*. Ulan-Ude, Aginskoe, Republican Printing House, 2021, 160 p. (In Russ.)
- Zoriktuev B. R. O maloizvestnykh aspektakh etnicheskoi istorii khori [About little-known aspects of the ethnic Khori history]. *Problemy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri [Issues of socio-economic development in Siberia]*. 2018, Is. 4 (34), pp. 127–132. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-393-423 (In Russ.)
- Zoriktuev B. R. Nayan-Nava i problema etnogeneza buryatskoi plemennoi obshchnosti Khori [Nayan-Nava and the problem of ethnogenesis of the Buryat Khori tribal community]. *Nauchnyj dialog [Scientific dialogue]*. 2020, Is. 5, pp. 393–423. (In Russ.)

Сведения об авторе

Дашиева Надежда Базаржаповна

доктор исторических наук, профессор, заведующий научно-исследовательской лабораторией истории и теории культуры, Восточно-Сибирский государственный институт культуры; Россия, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1
e-mail: dashieva-n@yandex.ru

Information about the author

Dashieva Nadezhda Bazarzhapovna

Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Research Laboratory of History and Theory of Culture, East Siberian State Institute of Culture; 1, Tereshkovoi st., Ulan-Ude, 670031, Russian Federation
e-mail: dashieva-n@yandex.ru